

Агата Кристи
После похорон
Серия «Эркюль Пуаро», книга 31

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121992
Агата Кристи После похорон: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-31613-7
Оригинал: Agatha Christie, "After the Funeral"
Перевод:
В. В. Турдатов

Аннотация

В основе сюжета романа «После похорон» – классическая ситуация: съехавшиеся на похороны миллионера-холостяка родственники делят наследство. Однако тот факт, что почившему помогли отправиться на тот свет, очевиден даже для слепого. Но только Эркюлю Пуаро по силам вычислить убийцу среди многочисленной родни...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	16
Глава 5	25
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Агата Кристи

После похорон

Посвящается Джеймсу в память о счастливых днях в Эбни

Глава 1

Старый Лэнском ковылял из комнаты в комнату, поднимая шторы и то и дело вглядываясь в окна подслеповатыми глазами.

Скоро они вернутся с похорон. Лэнском зашаркал ногами чуть быстрее. Окон было так много...

«Эндерби-Холл» был большим викторианским домом, построенным в готическом стиле. В каждой комнате имелись занавеси из выцветшей парчи или бархата. Некоторые стены все еще были обтянуты полинявшим шелком. В Зеленой гостиной старый дворецкий поднял взгляд на висевший над камином портрет Корнелиуса Эбернети, для которого и был построен «Эндерби-Холл». Каштановая борода Корнелиуса агрессивно торчала вперед, а рука покоилась на глобусе, не то по его желанию, не то воплощая символическую концепцию художника.

Старому Лэнскому Корнелиус всегда казался весьма решительным джентльменом, и он радовался, что не знал его лично. Его хозяином был мистер Ричард, который внезапно скончался, хотя, конечно, перед этим его какое-то время посещал доктор. Впрочем, мистер Ричард так и не оправился после смерти молодого мистера Мортимера. Старик покачал головой, переходя из Зеленой гостиной в Белый будуар. Это была настоящая катастрофа. Такой здоровый и сильный молодой джентльмен! Трудно поверить, что с ним могло случиться подобное несчастье. А тут еще мистер Гордон погиб на войне. Одна беда за другой. Для хозяина все это было чересчур. Тем не менее неделю назад он выглядел почти как всегда...

Третья штора в Белом будуаре отказывалась подниматься, постоянно застревая. Пружины ослабели – шторы были очень старыми, как и все в этом доме. А в наши дни такие вещи невозможно починить. Глядя на них, все снисходительно качают головой и говорят, что они устарели, – как будто старые вещи чем-то хуже современного барахла! Уж кому-кому, а ему это отлично известно. Все новые изделия ломаются прямо в руках. Либо материал скверный, либо работа никудышная...

С этой шторой не справиться без стремянки. Лэнском не любил на нее взбираться – в последние дни у него стала кружиться голова. Ладно, бог с ней, со шторой. Все равно окна Белого будуара находятся не в передней стене дома и не будут видны из машин, возвращающихся с похорон. Комнатой сейчас никто не пользовался – она предназначалась для леди, а леди уже давно не было в «Эндерби-Холле». Жаль, что мистер Мортимер так и не женился. Ездил рыбачить в Норвегию, охотиться в Шотландию, кататься на лыжах в Швейцарию, вместо того чтобы жениться на приятной молодой леди и жить дома с ней и с детишками. Детей в «Эндерби-Холле» тоже не было давным-давно...

Мысли Лэнскома перенеслись к далеким временам, которые он помнил четко и ясно – куда более ясно, чем последние двадцать лет, путавшиеся и расплывавшиеся у него в памяти...

Мистер Ричард был для своих младших братьев и сестер скорее отцом, чем старшим братом. Ему было двадцать четыре года, когда умер его отец, и он с головой погрузился в дела, точно, как часы, уходя каждый день в офис и при этом держа дом в безупречном порядке. У молодых леди и джентльменов было счастливое детство. Конечно, они ссорились

и дрались друг с другом, так что гувернанткам приходилось с ними нелегко. Впрочем, Лэнском презирал гувернанток, считая их жалкими личностями. А молодые леди были очень бойкими! Особенно мисс Джералдина, да и мисс Кора, хотя она была намного младше ее. А теперь мистер Лео и мисс Лора умерли, мистер Тимоти – несчастный инвалид, мисс Джералдина умерла где-то за границей, а мистер Гордон погиб на войне. Мистер Ричард оказался крепче всех, хотя и был самым старшим. Пережил почти всех братьев и сестер, – почти, так как еще живы мистер Тимоти и маленькая мисс Кора, которая вышла замуж за этого противного художника. Лэнском не видел ее двадцать пять лет – она была хорошенькой молодой девушкой, когда уехала с этим парнем, – а теперь он едва узнал ее, располневшую, да еще в этом чудном платье! Ее муж был французом или наполовину французом – из браков с этими людьми никогда не выходило ничего хорошего. Но мисс Кора всегда была немного... как бы это сказать... в деревнях их называют дурочками. В каждой семье такие попадаются.

Мисс Кора сразу его вспомнила. «Да ведь это Лэнском!» – воскликнула она, словно была очень рада его видеть. В детстве они все его любили – прибежали к нему в буфетную за желе и шарлоткой. Тогда все знали старого Лэнскома, а теперь его почти никто не помнит. Младшее поколение смотрит на него как на обычного дворецкого, который торчит в доме с незапамятных времен. Впрочем, и он не слишком их различает – для него они всего лишь компания незнакомцев, прибывших на похороны, притом весьма потрепанная.

За исключением миссис Лео – она совсем другое дело. Мистер и миссис Лео часто бывали здесь после того, как поженились. Она настоящая леди, всегда одевалась и причесывалась как следует. Хозяину она очень нравилась. Жаль, что у нее и мистера Лео не было детей...

Лэнском встряхнулся – чего ради он стоит и вспоминает былые дни, когда у него столько работы? Теперь нужно заняться шторами на первом этаже и сказать Дженет, чтобы она поднялась наверх и приготовила спальни. Он, Дженет и кухарка ходили в церковь на заупокойную службу, но не поехали в крематорий, а вернулись домой поднимать шторы и готовить ленч. Разумеется, холодный ленч. Окорок, цыпленок, язык и салат, а потом лимонное суфле и яблочный торт. Но сначала горячий суп – лучше убедиться, что Марджори его уже приготовила, так как они могут вернуться с минуты на минуту.

Лэнском двинулся по комнате шаркающей походкой. Его рассеянный взгляд скользнул по картине над камином – парному портрету к тому, что висел в Зеленой гостиной. На нем были превосходно изображены белый атлас и жемчуга. Женщина, облаченная в них, выглядела не столь впечатляюще. Мягкие черты лица, рот, похожий на розовый бутон, расчесанные на прямой пробор волосы... Миссис Корнелиус Эбернети была женщиной скромной и непритязательной. Примечательным в ней было только ее имя – Корали.

Спустя шестьдесят лет после их появления мозольный пластырь и крем для ног «Коралл» все еще пользовались спросом. Никто не мог определить, что в них было такого выдающегося, но они всегда привлекали внимание. Благодаря им был воздвигнут этот неоготический особняк с обширным садом, а годовой доход, выплачиваемый семи сыновьям и дочерям Корнелиуса Эбернети, позволил Ричарду Эбернети отойти три дня назад в мир иной очень богатым человеком.

Заглянув в кухню, Лэнском напомнил Марджори о супе, но та в ответ только огрызнулась. Марджори было всего двадцать семь лет, и она служила для Лэнскома постоянным источником раздражения, так как была весьма далека от его представления о том, какой должна быть настоящая кухарка. У нее отсутствовало как чувство собственного достоинства, так и должное почтение к его, Лэнскома, положению в доме. Марджори именовала «Эндерби-Холл» «старым мавзолеем» и жаловалась на огромные размеры кухни, буфетной и кладовой, утверждая, что «нужен целый день, только чтобы их обойти». Она пробыла в

«Эндерби» два года и оставалась здесь, во-первых, из-за солидного жалованья, а во-вторых, потому, что мистеру Эбернети нравилась ее стряпня. Марджори в самом деле недурно готовила. Дженет – пожилая горничная, в данный момент пьющая чай за кухонным столом и обычно наслаждавшаяся ядовитыми диспутами с Лэнскомом, тем не менее вступила с ним в союз против младшего поколения, представляемого Марджори. Четвертой в кухне была миссис Джекс, выполняющая обязанности приходящей прислуги там, где это требовалось, и получившая немалое удовольствие от похоронного церемониала.

– Все было очень красиво, – говорила она, шмыгая носом и наполняя свою чашку. – Девятнадцать машин, церковь полна народу, и каноник отлично провел службу. Да и день для этого подходящий. Бедный мистер Эбернети – таких, как он, в мире осталось мало. Все его уважали. – Услышав звук клаксона и шум автомобиля на подъездной дорожке, миссис Джекс поставила чашку и воскликнула: – А вот и они!

Марджори включила газ под большой кастрюлей с куриным супом. Большой очаг времен викторианского величия стоял холодный и бесполезный, словно памятник минувшей эпохе.

Машины подъезжали одна за другой – выходящие из них люди в черном неуверенно шли через холл в Зеленую гостиную. За стальной каминной решеткой горел огонь – дань первым осенним холодам, призванный также согреть тела и души побывавших на похоронах.

Лэнском вошел в комнату, неся на серебряном подносе бокалы с хересом.

Мистер Энтуисл, старший партнер старой и уважаемой фирмы «Боллард, Энтуисл, Энтуисл и Боллард», грелся, стоя спиной к камину. Взяв бокал, он окинул компанию пронизательным взглядом юриста. Не все присутствующие были ему лично знакомы, и он ощущал необходимость «рассортировать» их. Представления перед отбытием на похороны были спешными и поверхностными.

Обратив внимание прежде всего на старого Лэнскома, мистер Энтуисл подумал: «Бедняга очень постарел – не удивлюсь, если ему под девяносто. Ну, он получит хорошую ежегодную ренту – за него нечего беспокоиться. Преданная душа – такие старомодные слуги в наши дни редкость. Теперь в моде приходящие уборщицы и няни. Помогите нам, боже! Все это печально. Пожалуй, хорошо, что бедняга Ричард умер преждевременно. Ему было бы практически незачем жить».

Для мистера Энтуисла, которому было семьдесят два, смерть Ричарда Эбернети в шестьдесят восемь лет, безусловно, выглядела преждевременной. Мистер Энтуисл удалился от активной деятельности два года назад, но в качестве душеприказчика Ричарда Эбернети и в знак уважения к одному из старейших клиентов, являвшемуся также личным другом, совершил поездку на север страны.

Вспоминая условия завещания, адвокат разглядывал членов семьи.

Миссис Лео – Элен – он, разумеется, хорошо знал, относясь к ней с симпатией и уважением. Его одобрительный взгляд задержался на Элен Эбернети, стоящей у окна. Черное было ей к лицу. Ему нравились ее правильные черты лица, хорошо сохранившаяся фигура, волнистые пряди зачесанных назад седеющих волос и глаза – они когда-то были василькового цвета и все еще оставались ярко-голубыми.

Сколько лет сейчас Элен? Очевидно, сорок один или сорок два. Странно, что она не вышла замуж снова после смерти Лео. Привлекательная женщина. Правда, они с мужем так любили друг друга...

Его взгляд устремился на миссис Тимоти. Он плохо ее знал. Черное ей не шло – в ее стиле были сельские твидовые костюмы. Крупная женщина, на вид неглупая и дельная. Она всегда была хорошей женой Тимоти. Следила за его здоровьем, хлопотала над ним – возможно, даже чересчур. Действительно ли Тимоти так уж болен? Мистер Энтуисл подозре-

вал, что он просто ипохондрик. Ричард Эбернети придерживался того же мнения. «Конечно, в детстве у Тимоти были слабые легкие, – говорил он, – но будь я проклят, если сейчас у него что-то серьезное». В конце концов, какое-то хобби должно быть у каждого. Хобби Тимоти было помешательство на собственном здоровье. Верила ли миссис Тим в его хвори? Возможно, нет – но женщины никогда не признаются в таких вещах. Должно быть, Тимоти человек состоятельный – он никогда не был мотом. Но при теперешних налогах лишние деньги не помешают. Возможно, после войны ему пришлось сильно урезать расходы.

Мистер Энтуисл перенес внимание на Джорджа Кроссфилда, сына Лоры. Лора вышла замуж за весьма сомнительного типа. Никто о нем почти ничего не знал. Он называл себя биржевым маклером. Молодой Джордж работал в адвокатской фирме, не пользовавшейся солидной репутацией. Смазливый парень, но в нем тоже есть что-то сомнительное. Наверняка денег у него не густо. Лора в отношении вкладов проявила себя круглой дурой и умерла пять лет назад, не оставив ни гроша. Она была красивой и романтичной женщиной, но совсем непрактичной.

С Джорджа Кроссфилда мистер Энтуисл переключился на двух девушек. Интересно, кто из них кто? Ах да, это Розамунд, дочь Джералдины, рассматривает восковые цветы на малахитовом столике. Хорошенькая девушка, даже красивая – только лицо у нее глуповатое. Играет на сцене. Муж у нее тоже актер – красивый парень. «И знает об этом, – подумал мистер Энтуисл, с предубеждением относившийся к актерскому ремеслу. – Интересно, кто его родители и какое у него прошлое?» Он с неодобрением посмотрел на Майкла Шейна – худощавого блондина, казавшегося утомленным.

Сьюзен, дочь Гордона, выглядела бы на сцене куда лучше Розамунд. В ней больше индивидуальности – возможно, даже слишком много для повседневной жизни. Сьюзен стояла рядом с ним, и мистер Энтуисл украдкой изучал ее. Темные волосы, карие, почти золотистые глаза, мрачноватая, хотя по-своему привлекательная складка рта... Возле нее стоял мужчина, за которого она совсем недавно вышла замуж, – кажется, он помощник аптекаря. По мнению мистера Энтуисла, девушкам не следовало выбирать себе в мужья мужчин, работавших за прилавком. Но сейчас они готовы выйти за кого угодно. Молодой человек с бледным невыразительным лицом и волосами песочного оттенка выглядел так, словно ему не по себе. Мистер Энтуисл заинтересовался, в чем причина, но в конце концов великодушно приписал это напряжению, вызванному встречей с многочисленными родственниками жены.

Последним объектом внимания адвоката оказалась Кора Ланскене. В этом была определенная справедливость, так как Кора в семье являлась «последышем». Самая младшая сестра Ричарда родилась, когда ее матери было уже под пятьдесят, и кроткая женщина не пережила десятой беременности (трое ее детей умерли во младенчестве). Бедная маленькая Кора! Всю свою жизнь она причиняла неудобства – была нескладной, неуклюжей и делала замечания, которые лучше держать при себе. Старшие братья и сестры были очень добры к ней, прощая ее недостатки и сглаживая последствия ее бестактности. Никому и в голову не приходило, что Кора может выйти замуж. Она была не слишком привлекательной девушкой, и ее чересчур явные авансы посещавшим дом молодым людям обычно заставляли последних в панике отступать. Но потом на горизонте возник Пьер Ланскене – наполовину француз, с которым Кора познакомилась в художественной школе, где она училась рисовать цветы акварелью. Однако ее каким-то образом занесло в класс живой природы – там Кора повстречала Пьера Ланскене и, придя домой, заявила о намерении стать его женой. Ричарду Эбернети не понравился жених – он заподозрил, что Пьер Ланскене охотится за богатой невестой. Но куда Ричард выяснял прошлое Ланскене, Кора сбежала с ним и без лишних промедлений вышла за него замуж. Большую часть совместной жизни они провели в Бретани, Корнуолле и других местах, облюбованных живописцами. Ланскене был скверным художником и, по отзывам, не слишком приятным человеком, но Кора очень его любила и так и не про-

стила своим родственникам их отношение к нему. Ричард обеспечил младшей сестре щедрое содержание, на которое, по мнению мистера Энтуисла, жили и она, и ее супруг. Он сомневался, что Ланскене когда-либо зарабатывал деньги. Должно быть, Пьер умер по меньшей мере лет двенадцать тому назад, и теперь его вдова, сильно располневшая и облаченная в причудливое черное одеяние с гагатовыми фестонами, вернулась в родной дом, ходила по комнате, трогала вещи и радостно восклицала, предаваясь воспоминаниям детства. Она не давала себе труда притворяться убитой горем по случаю смерти брата. Но мистер Энтуисл помнил, что Кора вообще никогда не притворялась.

Вернувшись в комнату, Лэнском объявил приличествующим обстоятельствам приглушенным голосом:

– Ленч подан.

Глава 2

После великолепного куриного супа и многочисленных холодных кушаний, сопровождаемых превосходным шабли, похоронная атмосфера несколько прояснилась. Никто из присутствующих не испытывал особого горя по поводу кончины Ричарда Эбернети, так как никто не был с ним близок. Их поведение было подобающе сдержанным (за исключением Кору, явно наслаждавшейся пребыванием в отчем доме), но все чувствовали, что приличия соблюдены и можно приступить к обычной беседе. Мистер Энтуисл поощрял это намерение. Он обладал большим опытом в похоронных мероприятиях и твердо знал, что и когда следует делать.

По окончании трапезы Лэнском сообщил, что кофе будет подан в библиотеке. Он чувствовал, что наступило время обсудить дела – иными словами, завещание, – и атмосфера библиотеки с ее книжными полками и красными бархатными занавесями идеально этому соответствовала. Дворецкий подал кофе и удалился, закрыв за собой дверь.

После нескольких отрывочных замечаний все начали выжидающе поглядывать на мистера Энтуисла. Он быстро отозвался, взглянув на часы.

– Я должен поспеть на поезд в пятнадцать тридцать, – начал адвокат.

Другие, казалось, собираются поспеть на тот же поезд.

– Как вам известно, – продолжал мистер Энтуисл, – я являюсь душеприказчиком мистера Ричарда Эбернети...

– Я этого не знала, – прервала его Кора Ланскене. – Ричард оставил мне что-нибудь?

Бестактность Кору не впервые покорила мистера Энтуисла. Он бросил на нее укоризненный взгляд и снова заговорил:

– Еще год назад завещание Ричарда Эбернети было очень простым. За исключением небольших сумм, он все оставлял своему сыну Мортимеру.

– Бедный Мортимер, – вздохнула Кора. – Этот детский паралич просто ужасен.

– Внезапная и трагическая смерть Мортимера явилась для Ричарда страшным ударом. Ему понадобилось несколько месяцев, чтобы прийти в себя. Я указал ему, что было бы разумно составить новое завещание.

– А что бы произошло, если бы он не составил новое завещание? – глубоким голосом осведомилась Мод Эбернети. – Я имею в виду, все бы отошло к Тимоти как к ближайшему родственнику?

Мистер Энтуисл открыл рот, чтобы дать разъяснения относительно проблемы ближайшего родственника, но передумал и быстро продолжил:

– По моему совету, Ричард решил составить новое завещание. Но прежде всего он хотел поближе познакомиться с младшим поколением.

– Он «опробовал» всех нас, – со смехом сказала Сьюзен. – Сначала Джорджа, потом Грега и меня, а затем Розамунд и Майкла.

Худое лицо Грегори Бэнкса покраснело.

– Не думаю, что тебе следует использовать подобные выражения, Сьюзен, – резко заметил он. – «Опробовал» – вот еще!

– Но ведь так оно и было, верно, мистер Энтуисл?

– Он оставил мне что-нибудь? – повторила Кора.

Мистер Энтуисл кашлянул и холодно произнес:

– Я намерен выслать всем вам копии завещания. Если хотите, я могу прочитать его целиком теперь же, но боюсь, что юридическая терминология покажется вам не вполне ясной. Вкратце все сводится к следующему. Помимо ряда маленьких сумм и одной весьма значительной, на выплату ежегодного дохода Лэнскому, все состояние – весьма и весьма

солидное – должно быть разделено на шесть равных частей. Четыре из них после уплаты всех налогов переходят к брату Ричарда, Тимоти, его племяннику Джорджу Кроссфилду, племяннице Сьюзен Бэнкс и другой племяннице, Розамунд Шейн. Оставшиеся две части должны быть доверены банковской опеке, и пожизненный доход с них будет выплачиваться миссис Элен Эбернети, вдове его брата Лео, и его сестре миссис Коре Ланскене. После их смерти капитал должен быть поделен между четырьмя другими наследниками или их потомками.

– Прекрасно! – одобрила Кора Ланскене. – А каков размер дохода?

– Я... э-э... в настоящее время не могу сообщить точные цифры. Налоги на наследство, разумеется, будут очень большими, и...

– Но хоть намекнуть вы можете?

Мистер Энтуисл понял, что любопытство Кору придется удовлетворить.

– Возможно, от трех до четырех тысяч в год.

– Отлично! – воскликнула Кора. – Поеду на Капри!

– Как щедро со стороны Ричарда, – мягко заметила Элен Эбернети. – Я очень ценила его привязанность ко мне.

– Он очень любил вас, – сказал мистер Энтуисл. – Лео был его любимым братом, и после его смерти Ричард всегда радовался вашим визитам.

– К сожалению, я не понимала, насколько тяжело он болен, – промолвила Элен. – Я виделась с ним незадолго до смерти, но думала, что у него нет ничего серьезного.

– Ричард не любил говорить о своей болезни, – объяснил мистер Энтуисл. – Едва ли кто-нибудь ожидал, что конец наступит так скоро. Я знаю, что врач был удивлен.

– «Скоропостижно, у себя дома» – так было сказано в газете, – кивнула Кора. – Я тоже удивилась.

– Для всех нас это было потрясением, – добавила Мод Эбернети. – Бедный Тимоти страшно расстроился. Все это так неожиданно.

– Но ведь все удалось замять, не так ли? – осведомилась Кора.

Все устали на нее – она казалась слегка возбужденной.

– Думаю, вы все понимаете, – быстро продолжала Кора. – Огласка была бы неприятной для всех. Это не должно выходить за пределы семьи.

На лицах остальных отразилось недоумение. Мистер Энтуисл склонился вперед:

– Боюсь, Кора, я не вполне понимаю, что вы имеете в виду.

Кора Ланскене окинула родственников удивленным взглядом и, словно птица, склонила голову набок.

– Но ведь его убили, не так ли? – сказала она.

Глава 3

Возвращаясь в Лондон в вагоне первого класса, мистер Энтуисл с беспокойством размышлял о странном замечании Кору Ланскене. Конечно, Кора была глупой и весьма неуравновешенной особой и даже в детстве отличалась склонностью не к месту резать правду-матку. Впрочем, в данном случае «правда» было неподходящим словом. Лучше сказать «неуместные замечания».

Энтуисл припомнил то, что последовало за вышеупомянутым замечанием. Изумленные и неодобрительные взгляды заставили Кору осознать чудовищный смысл своих слов.

– Право, Кора! – воскликнула Мод.

– Моя дорогая тетя Кора... – начал Джордж.

– Что вы имеете в виду? – осведомился кто-то еще.

Кора Ланскене разразилась потоком отрывочных фраз:

– О, я очень сожалею... Я не имела в виду... Конечно, с моей стороны это глупо, но я поняла по его словам... Я знаю, что все в порядке, но его смерть была такой внезапной... Пожалуйста, забудьте все, что я сказала... Я знаю, что всегда говорю глупости...

Недолгое смущение сменилось практичной дискуссией о том, что делать с личным имуществом покойного Ричарда Эбернети. Мистер Энтуисл указал, что дом вместе со всем содержимым должен быть выставлен на продажу.

Злополучная выходка Кору была забыта. В конце концов, Кора всегда отличалась сверхнаивностью. Она понятия не имела, что следует говорить, а что нет. В девятнадцать лет это не представлялось таким уж важным. В этом возрасте еще могут сохраняться манеры *enfant terrible*¹, но к пятидесяти годам они становятся абсолютно неуместными. Вот так резать правду-матку...

Течение мыслей мистера Энтуисла резко остановилось. Уже второй раз ему в голову пришло тревожное слово «правда». А почему, собственно говоря, тревожное? Да потому, что наивные замечания Кору если и не оказывались правдивыми, то всегда содержали крупицу правды, что и делало их такими неудобоваримыми!

Хотя в полной сорокадевятилетней женщине мистер Энтуисл не мог различить особого сходства с неуклюжей девочкой давно прошедших лет, в поведении Кору многое оставалось прежним – например, привычка по-птичьки склонять голову набок, произнося самые неуместные замечания с видом радостного предвкушения бурного протеста. Именно таким образом Кора однажды охарактеризовала фигуру судомойки: «Молли едва удастся пролезть за кухонный стол, настолько у нее вырос живот. И это всего за последние два месяца! Интересно, с чего она так толстеет?»

Кору быстро заставили умолкнуть. В доме Эбернети царили викторианские традиции. Судомойка исчезла на следующий день, а после тщательного расследования второму садовнику приказали сделать из нее порядочную женщину и преподнесли ему для этой цели коттедж.

Далекое воспоминание – но в них есть свой смысл...

Мистер Энтуисл задумался о причине своего беспокойства. Что именно в нелепых замечаниях Кору вызвало у него подсознательную тревогу? Возможно, он выделил две фразы: «Я поняла по его словам...» и «Его смерть была такой внезапной...».

Сначала мистер Энтуисл задумался над второй фразой. Да, в некотором смысле смерть Ричарда можно считать внезапной. Мистер Энтуисл обсуждал здоровье Ричарда и с ним самим, и с его врачом. Доктор ясно дал понять, что его пациенту нечего рассчитывать на

---

¹ Ужасного ребенка (*фр.*). (Здесь и далее примеч. перев.)

долгую жизнь. Если мистер Эбернети будет следить за собой, то сможет прожить два или, может быть, три года. Возможно, еще больше, но это маловероятно. Однако доктор не предвидел никаких катастроф в ближайшем будущем.

Ну, доктор ошибся, но ведь врачи сами признают, что не могут полностью предвидеть индивидуальную реакцию пациента на болезнь. Иногда безнадежные больные неожиданно поправляются, а пациенты, находящиеся на пути к выздоровлению, напротив, внезапно умирают. Многое зависит от воли к жизни самого больного.

А Ричард Эбернети, хотя и был сильным и энергичным человеком, не имел особых стимулов к жизни.

Полгода назад его единственный сын Мортимер заболел детским параличом и умер в течение недели. Шок, вызванный его смертью, усиливало то, что он был крепким и здоровым молодым человеком. Отличный спортсмен, Мортимер принадлежал к людям, о которых говорят, что они ни разу в жизни не болели. Он собирался обручиться с очаровательной девушкой, и все надежды Ричарда были сосредоточены на горячо любимом и никогда не разочаровавшем его сыне.

Но вместо этого произошла трагедия. Остро переживая личную утрату, Ричард Эбернети перестал интересоваться будущим. Один его сын умер во младенчестве, другой скончался, не оставив потомства. У него не было внуков. Фактически после него уже некому было носить фамилию Эбернети, а ведь он располагал крупным состоянием и имел обширные деловые интересы, в определенной степени контролируя крупный бизнес. Кто же мог унаследовать это состояние, бизнес и деловые интересы?

Энтуисл знал, что это постоянно беспокоило Ричарда. Его единственный оставшийся в живых брат был практически инвалидом. Оставалось младшее поколение. Его друг никогда не говорил об этом, но адвокат полагал, что Ричард намерен выбрать главного наследника, хотя оставил бы определенные суммы и другим родственникам. Энтуисл знал, что в последние полгода Ричард по очереди приглашал погостить своего племянника Джорджа, племянницу Розамунд с мужем, а также свояченицу, миссис Лео Эбернети. Адвокат полагал, что Эбернети подыскивал наследника среди первых троих. Элен он пригласил просто из чувства привязанности и, может быть, намереваясь с ней посоветоваться, так как Ричард всегда был высокого мнения о ее уме и суждениях. Мистер Энтуисл также припомнил, что в течение этих шести месяцев Ричард нанес краткий визит своему брату Тимоти.

Результатом явилось завещание, находящееся сейчас в портфеле Энтуисла и предписывавшее равное распределение состояния. Напрашивался единственный вывод – Ричард был разочарован и в племяннике, и в племянницах, а может, и в их мужьях.

Насколько было известно мистеру Энтуислу, Ричард Эбернети не приглашал к себе свою сестру, Кору Ланскене, и это вновь привело адвоката к первой из тревожащих его бесвязных фраз Кору: «Но я поняла по его словам...»

Что же сказал Ричард Эбернети? И когда он это сказал? Если Кора не приезжала в «Эндерби», значит, Ричард посетил ее в поселке художников в Беркшире, где у Кору был коттедж. Или Ричард что-то сообщил ей в письме?

Мистер Энтуисл нахмурился. Конечно, Кора очень глупа. Она могла неправильно понять какую-то фразу и исказить ее смысл. Но его интересовало, что это была за фраза...

Адвокат был настолько обеспокоен, что обдумывал возможность разговора с Корой на эту тему. Разумеется, не в ближайшее время. Не нужно, чтобы это казалось таким важным делом. Но ему хотелось знать, что именно сказал Ричард Эбернети своей сестре, заставившее ее выпалить столь экстраординарный вопрос: «Но ведь его убили, не так ли?»

В том же поезде, в вагоне третьего класса, Грегори Бэнкс сказал жене:

– По-видимому, твоя тетя совершенно чокнутая.

– Тетя Кора? – рассеянно переспросила Сьюзен. – Да, пожалуй. Кажется, она всегда была глуповата.

Сидевший напротив Джордж Кроссфилд резко заметил:

– Ей не следовало бы говорить подобные вещи. У людей могут возникнуть нежелательные идеи.

Розамунд Шейн, обводя помадой сложенные бантиком губы, промолвила:

– Не думаю, чтобы кто-то обратил внимание на слова такого чучела. Посмотрите, как она одета. Эти гагатовые фестоны...

– Я считаю, это нужно прекратить, – заявил Джордж.

– Отлично, дорогой, – рассмеялась Розамунд, откладывая помаду и удовлетворенно глядя в зеркальце. – Вот ты и прекращай.

– По-моему, Джордж прав, – неожиданно вмешался ее муж. – Люди запросто могут начать распространять слухи...

– Ну и что? – осведомилась Розамунд, приподняв в улыбке уголки рта. – Это может оказаться даже забавным.

– Забавным?! – воскликнули четыре голоса.

– Когда в твоей семье происходит убийство, – пояснила Розамунд, – это здорово возбуждает!

Нервозному и угрюмому Грегори Бэнксу пришло в голову, что у кузины Сьюзен, если не обращать внимания на ее привлекательную внешность, может оказаться немало общего с ее тетюшкой Корой. Следующие слова Розамунд подтвердили его впечатление.

– Если его убили, – спросила она, – то кто, по-вашему, это сделал? – Розамунд окинула соседей задумчивым взглядом. – Смерть Ричарда была выгодна всем нам. Мы с мужем сидели на мели. Майклу предложили хорошую роль в постановке Сэндборна, но ведь ее нужно было дожидаться. А теперь мы будем жить припеваючи. Если захотим, можем осуществить собственную постановку. В одной пьесе есть чудесная роль...

Никто не слушал восторженных откровений Розамунд. Внимание каждого было сосредоточено на своем ближайшем будущем.

«Вот повезло! – думал Джордж. – Теперь я смогу положить деньги назад, и никто ни о чем не узнает... Но я был на волосок от беды».

Грегори закрыл глаза и откинулся на спинку сиденья. Деньги означали для него избавление от рабства.

– Конечно, очень жаль дядю Ричарда, – четким и ясным голосом заговорила Сьюзен. – Но он был уже стар, а после смерти Мортимера ему незачем было жить, и для него было бы тяжело год за годом влачить существование инвалида. Гораздо лучше умереть сразу и без мучений.

Ее твердый, уверенный взгляд смягчился, устремившись на задумчивое лицо мужа. Сьюзен обожала Грега. Она догадывалась, что он любит ее куда меньше, чем она его, но это только усиливало ее страсть. Грег принадлежал ей, и она сделала бы для него все, что угодно, – без всяких исключений...

Мод Эбернети, переодеваясь к обеду в «Эндерби» (она осталась здесь на ночь), размышляла, следует ли ей предложить задержаться еще на некоторое время, чтобы помочь Элен привести в порядок дом и во всем разобраться. В «Эндерби» находятся личные вещи Ричарда, его письма... Впрочем, все важные документы, очевидно, уже забрал мистер Энту-исл. А ей нужно как можно скорее вернуться к Тимоти. Он так сердится, когда ее нет рядом и некому позаботиться о нем. Мод надеялась, что Тима обрадует завещание и он не будет дуться. Конечно, Тимоти ожидал, что большая часть состояния Ричарда отойдет ему. В конце концов, он остался единственным Эбернети. Ричард мог бы доверить ему заботу о младшем

поколении. Мод опасалась, что Тимоти расстроится и это скверно отразится на его пищеварении. Когда Тимоти сердился, то начинал вести себя совершенно неразумно – временами он терял чувство меры... Мод раздумывала, должна ли она поговорить об этом с доктором Бартоном... В последнее время Тимоти принимал слишком много снотворных таблеток и сердился, когда она пыталась отобрать у него пузырек. Но ведь это опасно, как предупреждал доктор Бартон. Человек способен забыть, что уже принимал таблетки, и принять их снова, а тогда может произойти все, что угодно! В пузырьке осталось куда меньше таблеток, чем должно было оставаться... Все-таки Тимоти очень неосторожен с лекарствами. Конечно, он опять не станет ее слушать – временами с ним бывает очень трудно.

Мод вздохнула, потом ее лицо прояснилось. Теперь все станет гораздо легче. Например, уход за садом...

Элен Эбернети сидела у камина в Зеленой гостиной, ожидая, когда Мод спустится обедать.

Она оглядывалась по сторонам, вспоминая былые дни в «Эндерби» с Лео и остальными. Это был счастливый дом. Но такой дом нуждается в людях. В детях и слугах, в шумных застольях и треске огня в камине зимой. Дом стал печальным, когда в нем остался лишь старик, потерявший сына...

Интересно, кто купит «Эндерби»? Превратят ли его в отель, институт или молодежную базу отдыха? В наши дни такое случается с большими домами. Никто не покупает их, чтобы жить здесь. Возможно, дом снесут, а весь участок заново перепланируют. Эти мысли навевали грусть, и Элен решительно их отогнала. Нет смысла тосковать о прошлом. Этот дом, счастливые дни, проведенные здесь, Ричард, Лео – все это было прекрасно, но кануло в вечность. У нее есть собственные дела, друзья и интересы. А теперь, благодаря доходу, который завещал ей Ричард, она сможет оставить себе виллу на Кипре и осуществить все свои планы...

В последнее время ей постоянно приходилось беспокоиться из-за денег – налоги, неудачные вклады... Теперь, благодаря Ричарду, с этим покончено.

Бедный Ричард. Хотя смерть во сне можно воспринимать и как благо. «Скоропостижно скончался...» – очевидно, эти слова и вбили в голову Коре нелепую идею. Право же, Кора вела себя просто возмутительно! Впрочем, она всегда была такой. Элен припомнила свою встречу с ней за границей вскоре после того, как та вышла замуж за Пьера Ланскене. В тот день Кора казалась особенно глупой – все время вертела головой и делала безапелляционные замечания о живописи – в частности, о картинах своего мужа, который наверняка чувствовал себя неловко. Ни одному мужчине не нравится, когда его жена выглядит дурой. А Кора, несомненно, была дурой! Конечно, она в этом не виновата, да и муж обращался с ней не слишком хорошо.

Рассеянный взгляд Элен задержался на букете восковых цветов, стоящем на круглом малахитовом столике. Кора сидела за ним, когда они ожидали отъезда в церковь. Она предавалась воспоминаниям, радостно узнавала разные вещи и так восторгалась пребыванием в родном доме, что полностью забыла о причине, по которой они здесь собрались.

«Возможно, – подумала Элен, – она просто менее лицемерна, чем все мы...»

Кора никогда не заботилась об условностях. Достаточно вспомнить ее вопрос: «Но ведь его убили, не так ли?»

Все удивленно уставились на нее. Впрочем, каждый, вероятно, был хотя и шокирован, но по-своему...

Внезапно представив себе эту картину, Элен нахмурилась... Что-то тут было не так... Что-то или кто-то?

Может, дело в выражении чьего-то лица? Или там было... как бы это лучше выразить... нечто, чего не должно быть?..

Элен не могла определить, в чем дело, но что-то явно было *не так*...

Тем временем в буфете на станции Суиндон леди в траурном платье с фестонами пила чай, закусывая сдобными булочками, и размышляла о будущем. Ее не тревожило предчувствие беды. Она была счастлива.

Эти поездки с пересадками довольно утомительны. Было бы удобнее и ненамного дороже вернуться в Литчетт-Сент-Мэри через Лондон. Правда, теперь расходы не имеют значения. Хотя тогда ей пришлось бы ехать вместе с родственниками и всю дорогу разговаривать. Это не менее утомительно.

Пожалуй, лучше возвратиться домой с пересадками. Эти булочки просто превосходны. Удивительно, какой голод чувствуешь после похорон! Суп в «Эндерби» был великолепным, да и холодное суфле тоже.

Какими все-таки чопорными и лицемерными бывают люди! Достаточно вспомнить эти лица, когда она сказала про убийство! Как они все на нее уставились!

Леди в черном удовлетворенно кивнула. Она правильно сделала, что сказала это. Именно так и следовало поступить.

Женщина посмотрела на часы. До отхода поезда оставалось пять минут. Она допила чай и скорчила гримасу. Чай был так себе.

Несколько секунд женщина сидела, мечтая об открывающейся перед ней перспективе и счастливо улыбаясь.

Теперь она наконец сможет наслаждаться жизнью... Женщина направилась к маленькому пригородному поезду, продолжая строить планы...

Глава 4

Мистер Энтуисл провел беспокойную ночь. Утром он чувствовал себя таким усталым и больным, что даже не мог подняться с постели.

Сестра мистера Энтуисла, которая вела хозяйство, принесла ему на подносе завтрак и заявила, что он был неблагодарен, отправившись на север Англии в таком возрасте и при таком состоянии здоровья.

Мистер Энтуисл ограничился объяснением, что Ричард Эбернети был его старым другом.

– Похороны! – неодобрительно фыркнула его сестра. – Похороны могут стать роковыми для человека твоих лет! Ты умрешь так же скоропостижно, как твой драгоценный мистер Эбернети, если не будешь соблюдать осторожность.

Слово «скоропостижно» заставило мистера Энтуисла вздрогнуть. Он не стал возражать, прекрасно понимая, что именно заставило его содрогнуться.

Кора Ланскене! Ее предположение было совершенно невероятным, но ему хотелось выяснить, что она имела в виду. Пожалуй, придется съездить в Литчетт-Сент-Мэри и повидать ее. Можно притвориться, будто ему нужна подпись Кору для утверждения завещания. Незачем давать ей понять, что он придает значение ее нелепой фразе. Тем не менее он должен повидать ее, и как можно скорее.

Окончив завтрак, адвокат откинулся на подушки и стал читать «Таймс». Этот ритуал действовал на него успокаивающе.

Вечером, без четверти шесть, зазвонил телефон.

Мистер Энтуисл снял трубку. Голос на другом конце провода принадлежал мистеру Джеймсу Пэрротту, теперешнему второму партнеру фирмы «Боллард, Энтуисл, Энтуисл и Боллард».

– Слушайте, Энтуисл, – сказал мистер Пэрротт. – Мне только что звонили из полиции местечка под названием Литчетт-Сент-Мэри.

– Литчетт-Сент-Мэри?

– Да. Кажется... – Мистер Пэрротт сделал паузу. Он казался смущенным. – Это касается миссис Кору Ланскене. Она не была одной из наследниц состояния Эбернети?

– Да, разумеется. Вчера я видел ее на похоронах.

– Вот как? Она была на похоронах?

– Да. А что с ней такое?

– Ну... – Голос мистера Пэрротта звучал виновато. – Дело в том, что ее... убили.

Последнее слово мистер Пэрротт произнес с величайшим неодобрением. По его мнению, это слово не должно было иметь никакого касательства к фирме «Боллард, Энтуисл, Энтуисл и Боллард».

– Убили?

– Боюсь, что да. Я хотел сказать, в этом нет сомнения.

– А каким образом полиция вышла на нас?

– Через ее компаньонку или экономку – мисс Гилкрест. Полиция спросила у нее имена ближайших родственников или адвокатов убитой. Насчет родственников и их адресов мисс Гилкрест не была уверена, но сообщила о нас. Полиция сразу же с нами связалась.

– А почему они считают, что ее убили? – осведомился мистер Энтуисл.

Мистер Пэрротт вновь заговорил виноватым голосом:

– Ну, в этом как будто нет никаких сомнений – ее ударили топором или чем-то вроде того...

– Убийство с целью ограбления?

– Похоже на то. Окно было разбито, несколько побрякушек исчезло, все ящики выдвинуты и так далее, но полиция вроде думает, что это сделано... ну, с целью сбить со следа.

– Когда это произошло?

– Сегодня во второй половине дня – между двумя и половиной пятого.

– А где была экономка?

– Обменивала библиотечные книги в Ридинге. Она вернулась около пяти и обнаружила миссис Ланскене мертвой. Полиция хочет знать, нет ли у нас предположений насчет того, кто мог на нее напасть. Я ответил... – в голосе мистера Пэрротта послышалось возмущение, – что такое кажется мне маловероятным.

– Да, конечно.

– Должно быть, это какой-то местный полоумный громила – думал, что в доме есть чем поживиться, а потом потерял голову и напал на хозяйку. Как по-вашему, Энтуисл?

– Да-да... – рассеянно произнес Энтуисл.

Пэрротт прав, подумал он. Наверняка так оно и было.

Но тут у него в ушах четко прозвучал голос Кору: «Но ведь его убили, не так ли?»

Кора всегда была душой! Ни с кем не считалась, резала правду-матку...

Правду!

Опять это проклятое слово...

Мистер Энтуисл и инспектор Мортон внимательно смотрели друг на друга.

С присущей ему аккуратностью мистер Энтуисл предоставил в распоряжение инспектора все существенные факты, касающиеся Кору Ланскене – ее воспитания, брака, вдовства, финансового положения, родственников.

– Мистер Тимоти Эбернети – ее единственный оставшийся в живых брат и ближайший родственник, но он инвалид, живет затворником и не выходит из дому. Он уполномочил меня представлять его интересы и принимать меры, которые окажутся необходимыми.

Инспектор кивнул. Для него было облегчением иметь дело с этим пожилым проницательным адвокатом. Более того, он надеялся, что юрист сможет оказать ему помощь в решении проблемы, начинавшей выглядеть все более сложной.

– Насколько я понял со слов мисс Гилкрист, – сказал он, – миссис Ланскене за день до смерти ездила на север, на похороны брата?

– Да, инспектор. Я тоже был там.

– В ее поведении не было ничего странного или тревожного?

Мистер Энтуисл поднял брови в притворном удивлении.

– А что, незадолго до убийства жертва, как правило, ведет себя странно? – осведомился он.

Инспектор улыбнулся, словно извиняясь.

– Я не имею в виду, что она казалась обреченной или предчувствующей свою гибель. Просто я пытаюсь обнаружить что-то... ну, не вполне обычное.

– Не уверен, что понимаю вас, инспектор, – промолвил мистер Энтуисл.

– В этом деле не так легко разобраться, мистер Энтуисл. Предположим, кто-то видел, как эта мисс Гилкрист около двух часов вышла из дома и направилась к автобусной остановке. Тогда этот человек подбирает топорик, лежащий у дровяного сарая, разбивает им кухонное окно, влезает в дом, поднимается наверх и набрасывается с топором на миссис Ланскене. Ей нанесли шесть-восемь ударов... – При этих словах мистер Энтуисл вздрогнул. – Да, жестокое преступление. Потом убийца выдвигает несколько ящиков, прихватывает безделушки стоимостью не более десяти фунтов и исчезает.

– Она была в постели?

– Да. Кажется, миссис Ланскене вчера поздно вечером вернулась после поездки на север усталая и возбужденная. Насколько я понял, она получила какое-то наследство?

– Да.

– Миссис Ланскене спала очень плохо и проснулась с сильной головной болью. Она выпила несколько чашек чаю, приняла таблетку от мигрени и велела мисс Гилкрест не беспокоить ее до ленча. Но ей не стало лучше, поэтому она решила принять две таблетки снотворного. После этого миссис Ланскене послала мисс Гилкрест на автобусе в Ридинг поменять библиотечные книги. Должно быть, она дремала или уже крепко спала, когда в дом проник убийца. Но он легко мог забрать, что хотел, пригрозив женщине или заткнув ей рот кляпом. Топор, специально взятый с собой, кажется излишеством.

– Он мог намереваться только пригрозить ей топором, – предположил мистер Энтуисл. – И если она стала сопротивляться...

– Медицинское освидетельствование этого не подтверждает. Судя по всему, она лежала на боку и мирно спала, когда на нее напали.

Мистер Энтуисл с беспокойством заерзал на стуле.

– То и дело сообщают о жестоких и бессмысленных убийствах, – напомнил он.

– Возможно, это окажется одним из подобных случаев. Разумеется, полиция внимательно следит, нет ли поблизости подозрительных личностей. Но мы уверены, что никто из местных в этом не замешан. Все удовлетворительно отчитались о своем местопребывании – большинство людей в это время были на работе. Конечно, коттедж миссис Ланскене расположен на некотором расстоянии от деревни. Любой мог незаметно к нему подобраться. Вокруг деревни – целый лабиринт аллей. Утро было солнечное, дожди не шли уже несколько дней, так что никаких следов машины не осталось – если кто-то приезжал туда на машине.

– Думаете, преступник мог приехать на автомобиле? – резко осведомился мистер Энтуисл.

Инспектор пожал плечами:

– Не знаю. Я только хочу сказать, что в этом деле имеются странные моменты. Например... – Он придвинул к собеседнику несколько предметов – брошь в форме трилистника с маленькими жемчужинами, брошь с аметистами, нитку мелкого жемчуга и гранатовый браслет. – Эти вещи были взяты из ее шкатулки с драгоценностями. Их нашли возле дома спрятанными под кустом.

– Действительно странно. Возможно, убийца испугался содеянного...

– Разумеется. Но тогда он, очевидно, оставил бы безделушки наверху, в спальне. Конечно, его могла охватить паника по пути к воротам...

– Или же, – спокойно произнес мистер Энтуисл, – драгоценности, как вы предполагаете, могли взять для отвода глаз.

– Да, это не исключено... Конечно, преступление могла совершить мисс Гилкрест. Женщины живут только вдвоем – кто знает, какие ссоры, страсти и ненависть могут возникнуть между ними? И все же это выглядит маловероятным. Согласно отзывам, они жили дружно. – Помедлив, инспектор осведомился: – Судя по вашим словам, никто не выигрывает от смерти миссис Ланскене?

– Я говорил не совсем так, – возразил адвокат. Инспектор Мортон внимательно на него посмотрел:

– Мне казалось, вы говорили, что источником дохода миссис Ланскене было содержание, выделенное ей братом, и что она не имела личного состояния и средств к существованию.

– Это верно. Ее муж умер банкротом, и, зная Кору еще девушкой, я был бы очень удивлен, если бы у нее сохранились какие-то сбережения.

– Коттедж ей не принадлежал – он был взят в аренду, а мебель ничего не стоит даже в наши дни. Какие-то сомнительные изделия под дуб и несколько картин. Кому бы они ни достались, он ничего от этого не выгадает. Кстати, она оставила завещание?

Мистер Энтуисл покачал головой:

– Я ничего не знаю о ее завещании. Понимаете, я не видел ее много лет.

– Тогда что вы имели в виду?

– Я просто хотел быть скрупулезно точным.

– Вы говорили о наследстве, оставленном ей братом? Она имела право распоряжаться им по своему усмотрению?

– Нет, не в том смысле, который вы подразумеваете. Она не могла распоряжаться капиталом. Теперь, после ее смерти, он будет разделен между пятью другими наследниками Ричарда Эбернети. Вот что я имел в виду. Все пятеро автоматически получают прибыль благодаря ее гибели.

Инспектор выглядел разочарованным.

– А я подумал, мы на что-то набрали. Получается, что ни у кого не было никаких мотивов, чтобы зарубить бедную женщину. Похоже, это дело рук какого-то психа – возможно, несовершеннолетнего преступника, которых теперь развелось видимо-невидимо... Да, возможно, так оно и есть. Если только это не в высшей степени респектабельная мисс Гилкрест, что мне кажется невероятным.

– Когда она обнаружила труп?

– Около пяти часов. Мисс Гилкрест вернулась из Ридинга автобусом в 16.50. Она вошла в коттедж через парадный вход, потом направилась в кухню и поставила чайник на плиту. Из комнаты миссис Ланскене не доносилось ни звука, но мисс Гилкрест думала, что она еще спит. Потом мисс Гилкрест заметила разбитое кухонное окно и осколки на полу. Но даже тогда она решила, что стекло разбил какой-то мальчишка мячом или камнем из рогатки. Мисс Гилкрест поднялась наверх и потихоньку заглянула в комнату миссис Ланскене проверить, спит она или собирается пить чай. Увидев труп, мисс Гилкрест закричала и побежала к ближайшим соседям. Ее показания выглядят вполне убедительно, а у нее в комнате, в ванной и на одежде не было никаких следов крови. Думаю, мисс Гилкрест тут ни при чем. Врач прибыл в половине шестого. Он определяет время смерти не позднее половины пятого, скорее всего где-то в районе двух, поэтому похоже, что убийца торчал поблизости, ожидая, пока мисс Гилкрест уйдет из коттеджа.

Лицо адвоката слегка дрогнуло.

– Полагаю, вы собираетесь повидать мисс Гилкрест? – спросил инспектор Мортон.

– Подумываю об этом.

– Я был бы рад, если бы вы так поступили. Думаю, она сообщила нам все, что могла, но кто знает... Иногда в разговоре неожиданно выясняется что-то важное. Конечно, она типичная старая дева, но вполне разумная и практичная, а ее показания были очень полезны. – Сделав паузу, он добавил: – Тело сейчас в морге. Если вы хотите на него взглянуть...

Мистер Энтуисл согласился, хотя и без особого энтузиазма.

Спустя несколько минут он стоял, глядя на бранные останки Кору Ланскене. Она была жестоко изувечена – крашенная хной челка затвердела от запекшейся крови. Мистер Энтуисл плотно сжал губы и отвернулся, почувствовав тошноту.

Бедная маленькая Кора. Как она стремилась узнать позавчера, оставил ли ей что-нибудь брат! В каком розовом свете она, должно быть, видела будущее! Какие глупости она бы наделала – и притом с удовольствием, – располагая деньгами! Но эти мечты длились недолго...

Никто ничего не выиграл от ее смерти – даже жестокий убийца, выбросивший украденные безделушки во время бегства. Пять человек получат еще несколько тысяч – но им,

по-видимому, было более чем достаточно уже унаследованного капитала. Нет, там незачем искать мотив...

Странно, что Кора думала об убийстве за день до того, как была убита сама.

«Но ведь его убили, не так ли?»

Сказать подобную чушь! Эта фраза слишком нелепа, чтобы повторять ее инспектору Мортону.

Конечно, следует повидать мисс Гилкрест. Вдруг ей удастся – хотя это крайне маловероятно – пролить свет на то, что Ричард сказал Коре?

«Но я поняла по его словам...» Что же это были за слова?

«Я должен сразу же повидать мисс Гилкрест», – сказал себе мистер Энтуисл.

Мисс Гилкрест была сухощавой поблекшей женщиной с короткими волосами серо-стального цвета.

Она тепло приветствовала адвоката:

– Очень рада вашему приходу, мистер Энтуисл. Я ведь так мало знаю о семье миссис Ланскене и, конечно, никогда до сих пор не сталкивалась с убийством. Это слишком ужасно!

Мистер Энтуисл чувствовал уверенность, что мисс Гилкрест в самом деле не сталкивалась с убийством. Она реагировала на него примерно так же, как его партнер.

– Конечно, все читают об убийствах, – продолжала мисс Гилкрест, отправляя упомянутые преступления в ту сферу, которой им бы следовало ограничиваться, – но я и книги такого рода не слишком-то люблю. Уж очень это страшно.

Пройдя следом за ней в гостиную, мистер Энтуисл внимательно огляделся. В комнате ощущался сильный запах масляной краски. Коттедж был набит не столько мебелью, которая в общем соответствовала описанию инспектора Мортонна, сколько картинами. Стены были увешаны в основном потемневшими и грязными полотнами, написанными маслом. Впрочем, попадались и акварельные наброски, а также пара натюрмортов. Картины меньшего размера были сложены на подоконнике.

– Миссис Ланскене покупала их на распродажах, – объяснила мисс Гилкрест. – Бедняжка так интересовалась живописью. Посещала все распродажи поблизости. В наши дни картины так дешевы. Она платила за каждую не больше фунта, иногда всего несколько шиллингов и всегда говорила, что есть шанс заполучить что-нибудь хорошее. По ее словам, вот эта картина итальянского примитивиста могла стоить кучу денег.

Мистер Энтуисл с сомнением посмотрел на упомянутое творение итальянского примитивиста. Он подумал, что Кора никогда ничего не смыслила в живописи, и был готов съесть свою шляпу, если хоть что-нибудь из этой мазни стоило больше пяти фунтов.

– Конечно, – промолвила мисс Гилкрест, обратив внимание на выражение лица адвоката и догадавшись о его реакции, – я в этом мало разбираюсь, хотя мой отец был художником – правда, боюсь, не слишком удачливым. Но в молодости я рисовала акварели и слышала много разговоров о живописи. Миссис Ланскене было приятно иметь рядом с собой человека, с которым она могла об этом поговорить и который понимал ее интересы.

– Вы любили ее?

«Глупый вопрос, – подумал он. – Разве она может ответить „нет“? Хотя жить с Корой наверняка было крайне утомительно».

– Конечно, – отозвалась мисс Гилкрест. – Мы отлично ладили. В некоторых отношениях миссис Ланскене была совсем как ребенок. Говорила все, что придет в голову. Не скажу, что ее суждения всегда были верными...

Так как о мертвых не говорят: «Она была очень глупа», мистер Энтуисл промолвил:

– Ее никак нельзя было назвать интеллектуальной женщиной.

– Возможно, вы правы. Но она была очень пронизательной. Меня иногда удивляло, как ей удается попадать в самую точку.

Мистер Энтуисл посмотрел на мисс Гилкрис с большим интересом. Он подумал, что она, в отличие от Коры, отнюдь не глупа.

– Вы прожили с миссис Ланскене несколько лет?

– Три с половиной года.

– Вы были ее... э-э... компаньонкой и также... э-э... присматривали за домом?

Было очевидно, что он затронул деликатную тему. Мисс Гилкрис слегка покраснела.

– В общем, да. Я готовила пищу – мне всегда это нравилось, – подметала и делала кое-какую домашнюю работу. Разумеется, ничего тяжелого.

Тон мисс Гилкрис свидетельствовал о незыблемости ее принципов. Мистер Энтуисл, не вполне понимавший, что имеется в виду под словом «тяжелое», издал успокаивающее бормотание.

– Для тяжелой работы из деревни дважды в неделю приходила миссис Пэнтер. Понимаете, мистер Энтуисл, я не собиралась позволять относиться к себе как к служанке. Когда моя маленькая чайная потерпела крах... такое несчастье – это случилось во время войны. Очаровательное было местечко – я назвала его «Ива», и на фарфоровой посуде тоже были нарисованы голубые ивы... Пирожные там были такие вкусные – я хорошо готовила пирожные и лепешки. Но началась война, поставки урезали, и заведение обанкротилось – я всегда считала это одной из военных потерь. Те немногие деньги, которые оставил мне отец, я вложила в чайную, и мне пришлось искать какую-нибудь работу. Но ведь меня никогда ничему специально не учили. Сначала я нанялась к одной старой леди, но она оказалась грубой и придирчивой. Я поступила на службу в контору, но там мне тоже не понравилось. Наконец я познакомилась с миссис Ланскене, и мы сразу пришли друг другу по душе – ведь ее муж был художником... – Мисс Гилкрис сделала паузу, чтобы перевести дух, и печально добавила: – Но как же мне не хватало моей милой маленькой чайной! Туда приходили такие приятные люди!..

Глядя на мисс Гилкрис, мистер Энтуисл внезапно почувствовал, что видит перед собой нечто хорошо знакомое. Его мысленному взору представились многочисленные женские фигурки в разных «Лавровых деревьях», «Рыжих котах», «Голубых попугаях» и «Уютных уголках», облаченные в голубые, оранжевые или розовые платья и принимающие заказы на чай с пирожными. У мисс Гилкрис было свое духовное убежище – старомодная чайная с респектабельной клиентурой. Должно быть, в стране множество таких «мисс Гилкрис» с мягкими, терпеливыми лицами, упрямой складкой рта и жидкими седеющими волосами.

– Но я не должна говорить о себе, – продолжала мисс Гилкрис. – Полиция была очень любезна и предупредительна. Инспектор Мортон оказался таким чутким человеком. Он даже договорился с мисс Лейк, чтобы я переночевала у нее, но я отказалась. Я считала своим долгом остаться здесь, с вещами, которые так любила миссис Ланскене. Они забрали... – мисс Гилкрис судорожно глотнула, – забрали тело и заперли комнату, а инспектор сказал мне, что в кухне всю ночь будет дежурить констебль – из-за разбитого окна, стекло вставили утром... Так на чем я остановилась? Ах да, я сказала, что могу спокойно переночевать в своей комнате, хотя должна признаться, что придвинула к двери комод и поставила на подоконник большой кувшин с водой. Кто знает – а вдруг это был какой-то маньяк? О них сейчас только и слышишь...

Воспользовавшись паузой, мистер Энтуисл быстро сказал:

– Я располагаю всеми основными фактами. Инспектор Мортон сообщил их мне. Но если вам не составит труда дать собственный отчет о происшедшем...

– Ну конечно, мистер Энтуисл. Я понимаю, что вы чувствуете. Полиция относится ко всему так официально. Хотя это правильно...

– Миссис Ланскене вернулась с похорон позавчера вечером, – поторопил ее адвокат.

– Да, ее поезд задержали допоздна. Я заказала для нее такси, как она мне велела. Бедняжка так устала – это вполне естественно, – но в общем была в приподнятом настроении.

– Да-да. Она говорила что-нибудь о похоронах?

– Совсем немного. Я дала ей чашку горячего молока – больше ей ничего не хотелось, – и она рассказала, что в церкви было много людей и полно цветов... Да, она жалела, что не повидалась со своим другим братом. Кажется, его зовут Тимоти?

– Да, Тимоти.

– Миссис Ланскене сказала, что не видела его больше двадцати лет и надеялась, что он приедет на похороны, но поняла, что при сложившихся обстоятельствах он предпочел этого не делать. Там была его жена Мод, которую она терпеть не могла... О, мистер Энтуисл, прошу прощения! Просто сорвалось с языка – я не имела в виду...

– Ничего страшного, – успокоил ее адвокат. – Вы ведь знаете – я не родственник. И мне известно, что Кора и ее невестка всегда не слишком ладили.

– Ну, она примерно так и сказала. «Я всегда знала, что Мод превратится в одну из этих властных женщин, всюду сующих свой нос». Миссис Ланскене очень устала и решила сразу лечь. Я дала ей грелку, и она поднялась к себе.

– Кора больше ничего не говорила? Что вам особенно запомнилось?

– У нее не было предчувствий, мистер Энтуисл, если вы это имеете в виду. Она была в прекрасном настроении, если не считать усталости и... ну, печального события. Миссис Ланскене спросила у меня, не хотелось бы мне поехать на Капри. Конечно, я ответила, что это было бы чудесно – я и мечтать о таком не могла. А она и говорит: «Ну так мы туда поедem». Я подумала – хотя она об этом не упоминала, – что брат оставил ей годовой доход или что-то в этом роде.

Мистер Энтуисл кивнул.

– Бедняжка. Ну, я рада, что она хотя бы получила удовольствие, строя планы... – Мисс Гилкрист вздохнула и с тоской пробормотала: – Теперь я вряд ли когда-нибудь попаду на Капри...

– А на следующее утро? – осведомился мистер Энтуисл, игнорируя разочарование мисс Гилкрист.

– На следующее утро миссис Ланскене было не по себе. Выглядела она просто ужасно. Она сказала мне, что плохо спала, так как ее мучили кошмары. «Это потому, что вчера вы слишком устали», – заметила я, и она со мной согласилась. Миссис Ланскене позавтракала в постели и не вставала все утро, но к ленчу сказала мне, что так и не смогла заснуть: «Я все время думаю о разных вещах и беспокоюсь». Потом она добавила, что примет снотворные таблетки и попытается поспать после полудня. Миссис Ланскене попросила меня съездить на автобусе в Ридинг и поменять в библиотеке две книги, так как она прочитала их в поезде и больше ей было нечего читать. Обычно двух книг ей хватало на неделю. Я ушла в начале третьего, и это был последний раз, когда... – Мисс Гилкрист начала всхлипывать. – Должно быть, миссис Ланскене спала и ничего не слышала. Инспектор уверял меня, что она не страдала. Он считает, что ее убил первый же удар... О боже, меня бросает в дрожь при одной мысли об этом!

– Ну-ну, не стоит вспоминать о случившемся. Я только хотел услышать от вас о поведении миссис Ланскене перед трагедией.

– Можете передать ее родственникам, что, за исключением дурно проведенной ночи, она была очень счастлива и с радостью думала о будущем.

Мистер Энтуисл помедлил перед очередным вопросом. Ему не хотелось подсказывать свидетельнице ответы.

– Она не упоминала конкретно кого-либо из родственников?

– Нет-нет, вряд ли. – Мисс Гилкрисст задумалась. – Миссис Ланскене только сожалела, что не повидалась со своим братом Тимоти.

– А она не говорила о болезни покойного брата Ричарда? О ее... э-э... причине?

– Нет.

На лице мисс Гилкрисст не было заметно никаких признаков тревоги. Мистер Энтуисл не сомневался, что они бы присутствовали, если бы Кора упомянула об убийстве.

– Кажется, он некоторое время болел, – рассеянно произнесла мисс Гилкрисст, – хотя должна признаться, я удивилась, услышав о его смерти. Он выглядел таким энергичным.

– Значит, вы его видели? – быстро осведомился адвокат. – Когда?

– Когда он приезжал сюда повидать миссис Ланскене. Дайте подумать... Это было недели три тому назад.

– Он оставался здесь на ночь?

– Нет, только на ленч. Миссис Ланскене не ожидала его приезда. По-моему, у них были какие-то семейные неурядицы. Она говорила мне, что не виделась с ним много лет.

– Да, это верно.

– Встреча с братом ее расстроила. Возможно, она поняла, как серьезно он болен...

– Выходит, миссис Ланскене знала о его болезни?

– Да, я хорошо это помню. Однажды я даже поинтересовалась – разумеется, только мысленно, – не страдает ли он размягчением мозга. Моя тетя...

Мистер Энтуисл ловко уклонился от разговора о тете:

– Какие-то слова миссис Ланскене заставили вас подумать о размягчении мозга?

– Да. Миссис Ланскене как-то сказала что-то вроде: «Бедный Ричард! Смерть Мортимера, должно быть, сразу состарила его на несколько лет. Он производит впечатление слабоумного. Все эти фантазии насчет того, что его преследуют и хотят отравить... Типичный старческий маразм». Она была права. Тетя, которую я только что упомянула, не сомневалась, что слуги пытаются подсыпать ей яд в пищу, и в конце концов стала есть только яйца вкрутую, так как, по ее мнению, туда невозможно добавить отраву. Мы смеялись над ней, но не знаю, было бы нам так смешно сейчас, когда яйца если достанешь, так только заграничные, которые рискованно варить.

Мистер Энтуисл пропустил мимо ушей сагу о тете мисс Гилкрисст. Он был очень встревожен.

– Полагаю, – воспользовавшись паузой, осведомился адвокат, – миссис Ланскене не воспринимала это всерьез?

– Что вы, мистер Энтуисл, она все прекрасно понимала.

Это замечание тоже показалось адвокату тревожным, так как в слово «понимала» он вкладывал несколько иной смысл, нежели мисс Гилкрисст.

Быть может, Кора Ланскене в самом деле поняла что-то слишком хорошо – если не тогда, то позже?

Мистер Энтуисл твердо знал, что Ричард Эбернети отнюдь не отличался старческим слабоумием. Он пребывал в абсолютно здравом уме и не страдал никакой формой мании преследования. Ричард всегда был трезвомыслящим бизнесменом, и его болезнь ничего не изменила в этом отношении.

Казалось странным, что он мог говорить с сестрой на подобные темы. Хотя не исключено, что Кора с ее удивительной детской пронизательностью сама расставила точки над «i», пообщавшись с Ричардом Эбернети.

Во многих отношениях, думал мистер Энтуисл, Кора была законченной дурой. У нее полностью отсутствовали здравый смысл и элементарная уравновешенность; она обладала примитивным детским взглядом на вещи, но в то же время – чисто детской способностью попадать в самую точку; многим это казалось поистине сверхъестественным.

Адвокат пришел к выводу, что мисс Гилкрест сообщила ему все известные ей факты. Он спросил, не знает ли она, оставила ли Кора Ланскене завещание. Мисс Гилкрест быстро ответила, что завещание миссис Ланскене находится в банке.

Мистер Энтуисл настоял, чтобы мисс Гилкрест приняла небольшую сумму наличными в качестве оплаты теперешних расходов, сказал, что свяжется с ней снова, и попросил оставаться в коттедже, покуда она не подыщет себе новое место. Мисс Гилкрест ответила, что здесь ей очень удобно и что она нисколько не нервничает из-за пребывания в доме, где произошло убийство.

Адвокату не удалось избежать экскурсии по коттеджу в сопровождении мисс Гилкрест и знакомства с картинами покойного Пьера Ланскене, которыми была набита столовая и которые весьма шокировали мистера Энтуисла. В основном они представляли собой ню, не блещущие мастерством, но отличающиеся скрупулезным вниманием к анатомическим подробностям. Ему также пришлось выразить восхищение написанными маслом этюдами Кору, изображающими довольно колоритные рыболовецкие порты.

– Это Полперроу, – с гордостью сообщила мисс Гилкрест. – Мы были там в прошлом году, и живописное место привело в восторг миссис Ланскене.

Мистер Энтуисл, разглядывая виды Полперроу с юго-запада, северо-запада и других направлений, согласился, что у миссис Ланскене были основания для энтузиазма.

– Миссис Ланскене обещала оставить мне свои наброски, – печально промолвила мисс Гилкрест. – Мне они так нравятся. Вот здесь прибор совсем как настоящий, не так ли? Даже если она забыла упомянуть об этом в завещании, может быть, я могла бы взять этот этюд в качестве сувенира – как вы думаете?

– Уверен, что это можно устроить, – любезно ответил мистер Энтуисл.

Задав еще несколько вопросов, адвокат простился с мисс Гилкрест и отправился побеседовать с управляющим банком и еще раз проконсультироваться с инспектором Мортоном.

Глава 5

– Ты истощен до предела, – заявила мисс Энтуисл не терпящим возражений тоном, которым любящие сестры разговаривают с братьями, чье хозяйство они ведут. – В твоём возрасте так не поступают. Да и вообще, какое тебе до всего этого дело? Ты ведь на пенсии, не так ли?

Мистер Энтуисл робко заметил, что Ричард Эбернети был одним из его самых старых друзей.

– Допустим. Но Ричард Эбернети умер, верно? Поэтому я не вижу причин вмешиваться в дела, которые тебя не касаются, и простужаться в этих поездах, где сплошные сквозняки. А тут еще убийство! Не понимаю, почему они вообще послали за тобой.

– Со мной связались, потому что в коттедже было мое письмо, в котором я извещал Кору о похоронах Ричарда.

– Одни похороны за другими! Кстати, тебе звонил еще один из этих драгоценных Эбернети – кажется, Тимоти. Откуда-то из Йоркшира – и тоже насчет похорон. Сказал, что позвонит позже.

Мистера Энтуисла позвали к телефону тем же вечером. Взяв трубку, он услышал голос Мод Эбернети:

– Слава богу, я вас наконец застала! Тимоти в ужасном состоянии. Известия о Коре так его расстроили!

– Это вполне понятно, – промолвил мистер Энтуисл.

– Что вы сказали?

– Я сказал, что это вполне понятно.

– Очевидно. – В голосе Мод звучало сомнение. – Вы имеете в виду, что ее в самом деле убили?

(«Но ведь его убили, не так ли?» – спросила Кора. На сей раз ответ можно было дать без колебаний.)

– Да, ее убили, – отозвался мистер Энтуисл.

– Топором, как написано в газетах?

– Да.

– Мне кажется невероятным, – сказала Мод, – что родную сестру Тимоти могли убить топором!

Мистеру Энтуислу это казалось столь же невероятным. Жизнь Тимоти была так далека от насилия, что даже его родственники выглядели полностью огражденными от него.

– Боюсь, что придется смотреть в лицо фактам, – мягко заметил адвокат.

– Я очень беспокоюсь за Тимоти. Для него все это так тяжело! Сейчас я уложила его в постель, но он настаивает, чтобы я уговорила вас приехать и повидать его. Тимоти хочет знать множество вещей – будет ли дознание, кто должен на нем присутствовать, когда и где состоятся похороны, выражала ли Кора пожелание быть кремированной, оставила ли она завещание...

Мистер Энтуисл прервал затянувшийся перечень:

– Да, она оставила завещание и назначила Тимоти своим душеприказчиком.

– О боже, боюсь, что Тимоти не сможет ничего предпринять...

– Фирма займется всем необходимым. Завещание очень простое. Кора оставила свои этюды и аметистовую брошь своей компаньонке, мисс Гилкрист, а все остальное – Сьюзен.

– Сьюзен? Почему Сьюзен? Не думаю, что Кора даже видела ее с тех пор, как та была ребенком.

– Полагаю, потому что брак Сьюзен не вполне удовлетворял ее родственников.

Мод презрительно фыркнула:

– Даже Грегори куда лучше, чем Пьер Ланскене! Конечно, в мое время было неслышанно выходить замуж за человека, работающего за прилавком, но аптека все-таки лучше, чем галантерейная лавка, а Грегори хотя бы выглядит респектабельно. – Помолчав, она добавила: – Это означает, что Сьюзен получит доход, который Ричард оставил Коре?

– Нет-нет. Капитал будет поделен согласно условиям завещания Ричарда. Бедняжка Кора оставила только несколько сотен фунтов и мебель из коттеджа. После выплаты долгов и продажи мебели я сомневаюсь, что общая сумма превысит пятьсот фунтов. – Адвокат сделал небольшую паузу. – Дознание, разумеется, будет. Оно назначено на ближайший четверг. Если Тимоти согласен, мы отправим молодого Ллойда наблюдать за процедурой от имени семьи. – Он виновато добавил: – Боюсь, все это может привлечь внимание, учитывая... э-э... обстоятельства.

– Как неприятно! Уже поймали негодяя, который это сделал?

– Пока что нет.

– Наверняка это один из ужасных полоумных юнцов, которые шляются по стране, убивая кого попало. Полиция так некомпетентна!

– Вовсе нет, – возразил мистер Энтуисл. – Полицию никак не назовешь некомпетентной – можете в этом не сомневаться.

– Ну, все это выглядит так странно. И очень скверно отражается на Тимоти. Я была бы вам очень признательна, мистер Энтуисл, если бы вы смогли приехать к нам. По-моему, вы в состоянии успокоить Тимоти.

Адвокат задумался. В общем, приглашение явилось кстати.

– В ваших словах кое-что есть, – признал он. – К тому же мне нужна подпись Тимоти как душеприказчика на некоторых документах. Да, думаю, это недурная идея.

– Превосходно! У меня прямо камень с души свалился! Завтра? И останетесь на ночь? Самый удобный поезд отправляется в 11.20 с вокзала Сент-Пэнкрас.

– Боюсь, мне придется выехать во второй половине дня, – сказал мистер Энтуисл. – Утром у меня другие дела...

Джордж Кроссфилд тепло приветствовал мистера Энтуисла, хотя и чувствовалось некоторое удивление.

– Я только что из Литчетт-Сент-Мэри, – тоном объяснения произнес адвокат, хотя его слова в общем-то ничего не объясняли.

– Значит, это в самом деле была тетя Кора? Я прочел газеты и просто не мог поверить. Подумал, что речь идет об однофамилице.

– Фамилия Ланскене встречается не так уж часто.

– Да, конечно. Полагаю, это естественное нежелание верить, что кого-то из твоей семьи могли убить. Похоже на ту историю, которая произошла в прошлом месяце в Дартмуре.

– Вот как?

– Те же обстоятельства. Одиноким коттедж, в котором жили две пожилые женщины. Похищена ничтожная сумма денег.

– Ценность денег всегда относительна, – заметил мистер Энтуисл. – Имеет значение нужда в них.

– Да, очевидно, вы правы.

– Если вы отчаянно нуждаетесь в десяти фунтах, то пятнадцати будет для вас более чем достаточно. И наоборот, если вы нуждаетесь в сотне, сорок пять для вас бесполезны. А если вам нужны тысячи, то и нескольких сотен окажется мало.

– По-моему, – промолвил Джордж, блеснув глазами, – в наши дни любые деньги не помешают. Сейчас все в них нуждаются.

– Но не отчаянно, – указал адвокат. – Важно именно отчаяние.

– Вы имеете в виду нечто конкретное?

– Нет-нет. – Он продолжил после паузы: – Пройдет какое-то время, прежде чем завещание будет утверждено. Может быть, вы хотите получить какую-то сумму авансом?

– Вообще-то я собирался затронуть эту тему. Я побывал этим утром в банке и сослался на вас, когда они упомянули о превышении кредита. Они сразу же стали более любезными.

Снова заметив блеск в глазах Джорджа, многоопытный мистер Энтуисл понял его значение. Он не сомневался, что Джордж испытывает если не отчаянную, то достаточно болезненную нужду в деньгах. Адвокат понял – хотя он и раньше об этом догадывался, – что в финансовых делах Джорджу не следует доверять. Его интересовало, чувствовал ли это Ричард Эбернети, также хорошо разбиравшийся в людях. Мистер Энтуисл был уверен, что после смерти Мортимера Ричард подумывал сделать Джорджа своим наследником. Джордж не был Эбернети, но являлся единственным мужчиной среди младшего поколения семейства. Он казался естественным преемником Мортимера. Ричард Эбернети пригласил к себе Джорджа, и тот гостил в «Эндерби» несколько дней. Возможно, к концу визита Джорджа старик счел его неподходящей кандидатурой. Почувствовал ли он инстинктивно, подобно мистеру Энтуислу, что Джордж ненадежен? Семья ведь считала его отца неподходящей партией для Лоры. Биржевой маклер, занимавшийся какими-то темными делишками... Джордж скорее пошел в отца, нежели в Эбернети.

Очевидно, неправильно поняв молчание старого адвоката, Джордж промолвил, невесело усмехнувшись:

– Откровенно говоря, в последнее время мне не слишком везло с вкладами. Я пошел на риск и потерпел неудачу. Но теперь я смогу возместить убытки. Мне нужен только небольшой капитал. Как вы думаете, акции «Арденс консолидейтид» достаточно надежны?

Мистер Энтуисл не ответил ни да, ни нет. Он думал о том, не спекулировал ли Джордж деньгами своих клиентов? Если Джорджу грозило судебное преследование...

– Я пытался связаться с вами на следующий день после похорон, – снова заговорил адвокат, – но, очевидно, вас не было в офисе.

– В самом деле? Мне ничего не передавали. Вообще-то я решил, что имею право на выходной после хороших новостей.

– Хороших новостей?

Джордж покраснел:

– Я не имел в виду смерть дяди Ричарда. Но когда узнаешь, что унаследовал немалые деньги, то чувствуешь, что должен это отпраздновать. Вот я и направился напрямик в Херст-парк и поставил на двух фаворитов. Если уж повезет один раз, так везет и дальше. Я выиграл всего полсотни фунтов, но они тоже не помешают.

– Безусловно, – согласился мистер Энтуисл. – А теперь вам полагается очередная сумма в результате гибели вашей тети Кору.

Джордж, казалось, насторожился:

– Бедная старушка – вот уж кому не повезло, верно? И как раз в тот момент, когда она получила возможность наслаждаться жизнью.

– Будем надеяться, что полиция разыщет убийцу, – сказал адвокат.

– Не сомневаюсь в этом. Наша полиция знает свое дело. Соберут всех подозрительных личностей, которые торчали поблизости, и прочешут их частым гребешком – заставят отчитаться в своих действиях во время убийства.

– Это не так легко по прошествии некоторого времени, – заметил мистер Энтуисл и улыбнулся, давая понять, что собирается пошутить. – Например, я в тот день в половине четвертого был в книжном магазине Хэтчарда. Вспомнил бы я об этом, если бы полиция

стала меня расспрашивать через десять дней? Очень сомневаюсь. А вы, Джордж, находились в Херст-парке. Вспомните вы, в какой именно день это было, скажем, через месяц?

– Да, так как это произошло на следующий день после похорон.

– Верно. К тому же вы два раза выиграли – это тоже освежает память. Редко забываешь имя лошади, на которой заработал деньги. Кстати, как звали ваших фаворитов?

– Дайте подумать... Геймарк и Фрогг Второй. Да, я не скоро их позабуду.

Мистер Энтуисл откланялся с сухим, похожим на кашель, смехом.

– Очень рада вас видеть, – сказала Розамунд без особого энтузиазма. – Но сейчас еще так рано...

Она сладко зевнула.

– Уже одиннадцать, – заметил мистер Энтуисл.

Розамунд снова зевнула и виновато отозвалась:

– У нас была вечеринка, она затянулась до поздней ночи. Мы слишком много выпили. У Майкла до сих пор жуткое похмелье.

В этот момент появился также зевающий Майкл в ярком халате и с чашкой черного кофе в руке. Майкл выглядел утомленным, но, как всегда, привлекательным и очаровательно улыбался. На Розамунд были довольно грязный желтый пуловер, черная юбка и, насколько мог судить мистер Энтуисл, ничего более.

Педантичный и аккуратный адвокат не одобрял образ жизни Шейнов. Захламленная квартира на первом этаже дома в Челси, валяющиеся повсюду бутылки, стаканы и окурки, спертый воздух, общее впечатление пыли и беспорядка...

Посреди этой не располагающей обстановки Розамунд и Майкл цвели пышным цветом. Они были на редкость красивой парой и, как казалось мистеру Энтуислу, очень любили друг друга. Во всяком случае, Розамунд обожала Майкла.

– Как насчет глоточка шампанского, дорогой? – осведомилась она. – Просто чтобы встряхнуться и выпить за наше будущее. О, мистер Энтуисл, какая удача, что дядя Ричард оставил нам деньги именно теперь...

Адвокат заметил, что Майкл недовольно нахмурился, но Розамунд продолжала как ни в чем не бывало:

– Потому что нам представился чудесный шанс поставить эту пьесу. В ней есть великолепная роль для Майкла и даже маленькая роль для меня. Там рассказывается о молодом преступнике, который в душе настоящий святой. Пьеса полна самых современных идей.

– Похоже на то, – чопорно произнес мистер Энтуисл.

– Он грабит, убивает, его преследуют полиция и общество, и под конец он совершает чудо!

Шокированный адвокат хранил молчание. Нынешняя молодежь говорит и пишет вредную чушь!

Впрочем, нельзя было сказать, что Майкл Шейн много говорил. На его лице все еще было написано недовольство.

– Мистеру Энтуислу неинтересно слушать твои восторженные излияния, Розамунд, – сказал он. – Помолчи хотя бы минуту и дай ему сообщить, зачем он к нам пожаловал.

– Нужно выяснить один-два вопроса, – объяснил адвокат. – Я только что вернулся из Литчетт-Сент-Мэри.

– Значит, убили все-таки тетю Кору? Мы читали об этом в газете. Я сразу решила, что это она, так как фамилия уж больно необычная. Бедная тетя Кора! Я смотрела на нее во время похорон и думала: лучше умереть, чем выглядеть так нелепо. А теперь она в самом деле умерла! Наши гости не поверили, когда я рассказала им, что женщина, убитая топором, про которую написано в газете, моя тетя! Они только смеялись – верно, Майкл?

Майкл Шейн не ответил, и Розамунд продолжала с явным удовольствием:

– Два убийства одно за другим! Немного чересчур, не так ли?

– Не говори глупости, Розамунд, – твоего дядю Ричарда никто не убивал.

– Ну а Кора думала, что его убили.

Мистер Энтуисл прервал их спор:

– После похорон вы вернулись в Лондон?

– Тем же поездом, что и вы.

– Да, конечно. Я задал этот вопрос, так как пытался с вами связаться... – он бросил быстрый взгляд на телефон, – на следующий день, но никто не отвечал.

– О боже, мне так жаль... Что мы делали позавчера, Майкл? До двенадцати мы были дома, а потом ты отправился встретиться с Розенхаймом и на ленч с Оскаром, а я пошла по магазинам искать нейлоновые чулки. Я должна была встретиться с Дженет, но мы разминулись. Потом мы с тобой обедали в «Кастиль» и вернулись, кажется, около десяти вечера.

– Что-то вроде этого. – Майкл задумчиво посмотрел на мистера Энтуисла. – Что вы хотели у нас выяснить, сэр?

– Всего лишь два вопроса, возникшие в связи с состоянием Ричарда Эбернети; и еще я собирался попросить вас подписать кое-какие документы.

– Мы получим деньги сразу или неизвестно когда? – спросила Розамунд.

– Боюсь, что закон склонен к проволочкам, – ответил мистер Энтуисл.

– Но мы ведь можем получить аванс, верно? – Розамунд выглядела встревоженной. – Майкл говорил, что можем. Для нас это очень важно из-за пьесы.

– Нет никакой спешки, – любезно промолвил Майкл. – Нам только нужно решить, братья за постановку или нет.

– Думаю, не составит труда выдать авансом необходимую вам сумму, – сказал адвокат.

– Тогда все в порядке. – Розамунд облегченно вздохнула и, подумав, добавила: – А тетя Кора оставила какие-нибудь деньги?

– Очень мало. Она завещала их вашей кузине Сьюзен.

– Почему именно Сьюзен? И сколько там денег?

– Несколько сотен фунтов и кое-какая мебель.

– Хорошая?

– Нет, – ответил адвокат. Интерес Розамунд сразу же пропал.

– Все это очень странно, – промолвила она. – Сначала Кора после похорон неожиданно заявляет, что дядю Ричарда убили, а на следующий день убивают ее саму. Странно, не так ли?

Последовало неловкое молчание, прежде чем мистер Энтуисл спокойно отозвался:

– Да, это в самом деле очень странно...

Мистер Энтуисл внимательно рассматривал Сьюзен Бэнкс, склонившуюся над столом и что-то оживленно говорившую.

В ней отсутствовала красота Розамунд. Но ее лицо было по-своему привлекательным, и эта привлекательность, по мнению адвоката, заключалась в его живости. Складка полных алых губ и очертания фигуры были в высшей степени женственными. Тем не менее Сьюзен напоминала адвокату своего дядю, Ричарда Эбернети, формой головы, линиями подбородка, глубоко сидящими задумчивыми глазами. В ней ощущались свойственные Ричарду энергия, практичность и проницательность. Из трех представителей младшего поколения семьи только она казалась сделанной из того же металла, на котором были воздвигнуты все достижения Эбернети. Чувствовал ли Ричард в своей племяннице родственную душу? Мистер Энтуисл в этом не сомневался. Ричард всегда умел разбираться в людях. Сьюзен обладала именно теми качествами, которые ему требовались. И все же Ричард Эбернети никак не выделил ее в своем завещании. Не доверяя, как полагал адвокат, Джорджу, обойдя внима-

нием красивую, но недалекоую Розамунд, мог ли он не найти в Сьюзен то, что искал, – свое подобие?

Если нет, значит, причина заключалась в ее муже...

Взгляд мистера Энтуисла скользнул над плечом Сьюзен туда, где стоял Грегори Бэнкс, рассеянно затачивая карандаш.

Худой, бледный и невзрачный молодой человек с волосами рыжевато-песочного оттенка находился в такой густой тени яркой личности Сьюзен, что охарактеризовать его было крайне сложно. Ничто в нем не привлекало особого внимания – очевидно, симпатичный, услужливый парень; мистер «да», как теперь говорят. Но это описание не казалось удовлетворительным. В подчеркнутой ненавязчивости Грегори Бэнкса ощущалось нечто смутно тревожное. Он казался совсем неподходящей парой для Сьюзен – и тем не менее она настояла на браке с ним, преодолев все возражения. Почему? Что она в нем нашла?

«Даже сейчас, после шести месяцев брака, она по-прежнему без ума от этого парня», – подумал мистер Энтуисл. Он отлично знал все признаки. Через фирму «Боллард, Энтуисл, Энтуисл и Боллард» проходило великое множество жен с матримониальными проблемами. Жен, безумно влюбленных в равнодушных к ним и ничем не привлекательных мужей. Жен, которым наскучили их обаятельные и безупречные супруги. Что именно каждая женщина находит в том или ином мужчине? Ответ на этот вопрос лежал за пределами среднего человеческого интеллекта. Но очень часто умные во всех прочих отношениях женщины оказывались законченными идиотками в том, что касалось мужчин. Сьюзен, думал адвокат, была одной из них. Для нее весь мир вращался вокруг Грега. А это было чревато многими опасностями.

– Это просто позор! – с возмущением говорила Сьюзен. – Помните женщину, которую убили в Йоркшире в прошлом году? Полиция так никого и не арестовала. А старуха, которую прикончили ломом в кондитерской лавке? Они задержали одного человека, а потом отпустили его!

– Нужны доказательства, дорогая моя, – заметил мистер Энтуисл.

Сьюзен не обратила на него внимания.

– А та медсестра, которую убили топором, как тетю Кору!

– Вы прямо ходячая энциклопедия подобных преступлений, Сьюзен, – мягко произнес адвокат.

– Естественно, такие вещи запоминаешь, а когда кого-то из твоей семьи убивают таким же способом, то кажется, будто по сельской местности бродит полно людей, вламывающихся в дома и нападающих на одиноких женщин, – а полиция и ухом не ведет!

Мистер Энтуисл покачал головой:

– Вы недооцениваете полицию, Сьюзен. Там работают очень терпеливые, толковые и упорные люди. Если о деле не упоминают в газетах, это еще не означает, что оно закрыто.

– И все же каждый год сотни преступлений остаются нераскрытыми.

– Сотни? – с сомнением переспросил мистер Энтуисл. – Определенное количество – да. Но во многих случаях полиция знает, кто совершил преступление, хотя и не располагает достаточными доказательствами для обвинения.

– Я этому не верю, – заявила Сьюзен. – Если известно, кто преступник, всегда можно раздобыть доказательства.

– Любопытно... – задумчиво промолвил мистер Энтуисл.

– А у них есть хоть какие-нибудь предположения, кто мог убить тетю Кору?

– Трудно сказать. Насколько я знаю, нет. Но они едва ли стали бы сообщать мне об этом. К тому же прошло слишком мало времени – не забывайте, что убийство произошло только позавчера.

– Это должен быть преступник определенного типа, – размышляла вслух Сьюзен. – Жестокий, возможно, немного сумасшедший – отставной солдат или бывший заключенный. Чтобы вот так убить топором...

Мистер Энтуисл насмешливо поднял брови и продекламировал:

Лиззи Борден топором
Папу зарубила.
Тот же трюк она потом
С мамой повторила.

Сьюзен рассердилась:

– Кора не жила со своими родственниками – если только вы не имеете в виду компаньонку. К тому же Лиззи Борден оправдали. Никому точно не известно, убила ли она отца и мачеху.

– Стишок, безусловно, клеветнический, – согласился мистер Энтуисл.

– Вы хотите сказать, что это сделала компаньонка? Кора оставила ей что-нибудь?

– Недорогую аметистовую брошь и несколько набросков рыбацких деревень, представляющих сугубо сентиментальную ценность.

– Но убийца должен иметь мотив – если он не полоумный.

Адвокат усмехнулся:

– Пока что, насколько можно судить, мотив был только у вас, моя дорогая Сьюзен.

– Что? – Грег шагнул вперед, словно внезапно проснулся. Его глаза недобро блеснули.

Он уже не был незаметной деталью фона. – Какое Сью имеет к этому отношение? Что вы хотите сказать?

– Замолчи, Грег, – резко прервала Сьюзен. – Мистер Энтуисл не подразумевал ничего плохого...

– Всего лишь шутка, – виновато произнес адвокат. – Боюсь, не самого лучшего вкуса. Все свое так называемое состояние Кора завещала вам, Сьюзен. Но для молодой леди, только что унаследовавшей несколько сотен тысяч фунтов, «состояние», составляющее самое большее пятьсот фунтов, вряд ли может служить мотивом для убийства.

– Кора оставила мне свои деньги? – удивленно переспросила Сьюзен. – Как странно! Она ведь даже не знала меня. Как вы думаете, почему она это сделала?

– Я думаю, Кора слышала о том, что были небольшие затруднения... э-э... в связи с вашим браком.

Грег, снова занявшийся карандашом, нахмурился.

– Ее замужество тоже не обошлось без неприятностей, поэтому она, очевидно, вам сочувствовала.

– Кажется, Кора вышла замуж за художника, который семье пришелся не по вкусу? – с любопытством осведомилась Сьюзен. – Он был хорошим художником?

Мистер Энтуисл решительно покачал головой.

– Какие-нибудь его картины остались в коттедже?

– Да.

– Тогда я сама смогу об этом судить, – заявила Сьюзен.

Мистер Энтуисл улыбнулся, глядя на ее упрямо вздернутый подбородок:

– Желаю успеха. Конечно, в искусстве я безнадежно старомоден, но сомневаюсь, что вы станете оспаривать мой вердикт.

– Полагаю, мне так или иначе придется поехать туда? Там сейчас есть кто-нибудь?

– Я договорился с мисс Гилкрист, что она останется в коттедже, пока не подыщет новое место.

– Должно быть, у нее железные нервы, – заметил Грег. – Остаться в доме, где только что произошло убийство...

– Мисс Гилкрисст вполне разумная женщина. Кроме того, – сухо добавил адвокат, – не думаю, что ей есть где жить, пока она не устроилась куда-нибудь еще.

– Выходит, после смерти тети Кору она осталась ни с чем? Они с тетей Корой были достаточно близки?

Мистер Энтуисл с любопытством посмотрел на Сьюзен, интересуясь, что у нее на уме.

– Полагаю, в какой-то мере да, – ответил он. – Кора никогда не относилась к мисс Гилкрисст как к служанке.

– Значит, она относилась к ней гораздо хуже, – сказала Сьюзен. – В наши дни этим так называемым леди приходится туго. Постараюсь найти для бедняжки приличное место. Это не составит труда. Сейчас каждая женщина, которая умеет убирать и готовить, на вес золота. Эта мисс Гилкрисст умеет готовить, не так ли?

– Да, конечно. По-моему, мисс Гилкрисст возражает только против «тяжелого» труда. Боюсь, я не вполне понял, что она подразумевает под словом «тяжелый».

Казалось, его слова позабавили Сьюзен.

– Ваша тетя назначила Тимоти своим душеприказчиком, – сообщил мистер Энтуисл.

– Тимоти, – с презрением повторила Сьюзен. – Дядя Тимоти – практически миф. Никто никогда его не видит.

Адвокат посмотрел на часы:

– Сегодня я собираюсь съездить к нему. Сообщу о вашем решении побывать в коттедже.

– Я потрачу на это не более двух дней. Не хочу надолго покидать Лондон. У меня столько планов – собираюсь заняться бизнесом.

Мистер Энтуисл окинул взглядом тесную гостиную. Грег и Сьюзен, по-видимому, сильно нуждались. Он знал, что отец Сьюзен спустил все свои деньги, оставив дочь без гроша.

– Могу я узнать, каковы ваши планы на будущее?

– Я присмотрела дом на Кардиган-стрит. Полагаю, вы можете выдать мне определенную сумму авансом в случае необходимости? Возможно, мне придется внести залог.

– Это можно устроить, – ответил адвокат. – Я несколько раз звонил вам на следующий день после похорон, но к телефону никто не подходил. Я подумал, что вам может понадобиться аванс, но решил, что вас нет в городе.

– Нет-нет, – быстро сказала Сьюзен. – Мы оба весь день были дома.

– Знаешь, Сьюзен, – вмешался Грег, – думаю, что в тот день наш телефон не работал. Помнишь, как я не мог после полудня дозвониться в «Хард и К°»? Я хотел сообщить о неполадках, но на следующее утро все уже было в порядке.

– Телефоны иногда бывают весьма ненадежны, – заметил мистер Энтуисл.

– А откуда тетя Кора узнала про наш брак? – внезапно спросила Сьюзен. – Мы расписались в регистрационной конторе и долго никому ничего не сообщали.

– Думаю, Ричард мог рассказать ей об этом. Она переделала завещание недели три назад (сначала оно было составлено в пользу теософского общества) – как раз когда он приезжал повидать ее.

Сьюзен выглядела удивленной.

– Дядя Ричард ездил повидать тетю Кору? Я понятия об этом не имела.

– Я тоже, – сказал мистер Энтуисл.

– Значит, именно тогда...

– Что тогда?

– Ничего, – ответила Сьюзен.

Глава 6

– Очень хорошо, что вы приехали, – хриловатым голосом сказала Мод, встретив мистера Энтуисла на платформе станции Бейхем-Комптон. – Мы с Тимоти очень вам благодарны. По правде говоря, трудно представить себе что-то худшее для Тимоти, чем смерть Ричарда.

Мистер Энтуисл еще не рассматривал смерть своего друга с подобной точки зрения, но понимал, что миссис Тимоти Эбернети могла рассматривать упомянутое событие исключительно в таком аспекте.

– Прежде всего, – продолжала Мод, когда они направились к выходу, – для Тимоти это явилось страшным потрясением – он был очень привязан к Ричарду. И потом, к сожалению, это внушило Тимоти мысли о смерти. Инвалидность заставляет его беспокоиться о себе. Он все время повторяет, что остался последним из братьев и тоже скоро умрет, – одним словом, несет какой-то мрачный бред.

Они вышли со станции, и Мод направилась к невероятно древнему и ветхому автомобилю.

– Простите, что придется везти вас на этой старой колыхаге, – извинилась она. – Мы уже много лет собираемся купить новую машину, но никак не могли себе этого позволить. В этом автомобиле уже дважды меняли двигатель, к тому же старые модели очень выносливы. Надеюсь, – добавила она, – он быстро заведется. Иногда приходится заводить его вручную.

Мод несколько раз нажимала на стартер, но результатом было лишь слабое урчание. У мистера Энтуисла, которому ни разу в жизни не приходилось заводить машину вручную, появились дурные предчувствия, но Мод сама вылезла из кабины, вставила ручку, и после пары поворотов мотор ожил. Большая удача, подумал мистер Энтуисл, что Мод такая сильная женщина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.